Текст · 13 ноября 2026, 11:17
Алла Константинова, Дарья Серегина,

«Мамочка, меня очень сильно из насиловали». Как война и силовики ра зрушили судьбу продавщицы сиг арет из Новой Каховки

Продавщица табачного ларька из оккупированной Новой Каховки Наталья Кожемяцкая согласилась сотрудничать с украинской разведкой, надеясь спасти сына от передовой. Она пережила пытки и изнасилование, пропустила похороны матери, убитой ударом беспилотника, и в итоге стала обвиняемой в пособничестве терроризму.

Вместе с Кожемяцкой на скамье подсудимых оказались трое ее земляков — Константин Семенюк, Анастасия Бернацкая и Павел Пелешук. Все они утверждают, что провели по полгода «на подвалах», заучивая признательные показания под диктовку «неприятных людей в масках». Южный окружной военный суд приговорил их к срокам от 13 до 14 лет.

«Медиазона» рассказывает, как проходил процесс над четверкой из Новой Каховки — и как его вел судья Денис Вовченко, уверенный, что пытками из обвиняемых «выбивали правду».

Когда в октябре 2025 года 66-летняя Анна Биндюкова вместе с родственниками возвращалась в оккупированную Новую Каховку с похорон племянника, в их машину влетел дрон. Удар пришелся на ту сторону, где сидела пенсионерка. Она погибла на месте.

Ни одна из двух ее дочерей не смогла приехать на похороны: Татьяна с детьми после начала полномасштабной войны эвакуировалась в Киевскую область, а Наталью уже больше года как забрали российские силовики.

«Собирайся, ты с нами надолго». Как начиналось дело четверки из Новой К аховки

17 мая 2024 года по пути на работу к 45-летней[1]

продавщице табачного киоска Наталье Кожемяцкой подошли незнакомые мужчины. На несколько часов с ней пропала связь, а вечером эти же люди привезли ее домой к матери.

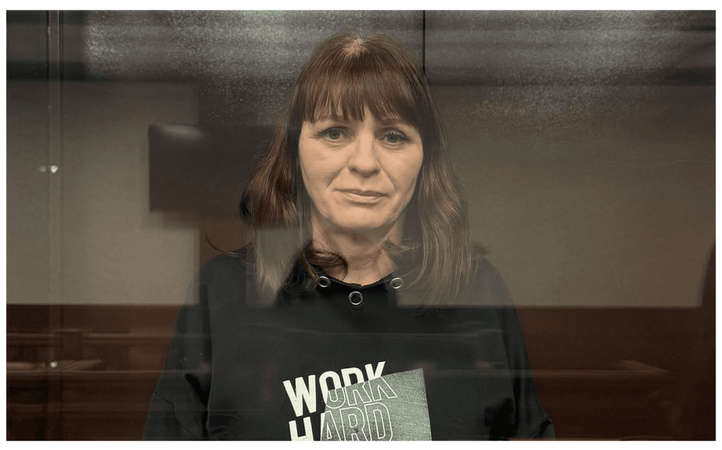
— Наташа была сильно напугана, не могла разговаривать, — рассказывает ее сестра Татьяна.
— Единственное, сказала маме, что ее пытали электрошоком, заставляли в чем-то признаться, а в чем — она и сама не понимала.

По словам Татьяны, сестра в тот вечер осталась дома и «верила, что ее больше не будут задерживать, ведь она ничего не делала». Однако ближе к полуночи к Наталье снова пришли.

— Сказали ей: «Собирайся, ты с нами надолго», — вспоминает она.

Кожемяцкую отвезли в подвал бывшего управления полиции Новой Каховки, и следующие шесть с половиной месяцев она провела в этой и других секретных тюрьмах, говорит ее сестра. Там Наталья

наконец узнала, в чем ее обвиняют. За неделю до ее похищения в городе взорвался автомобиль Максима Карого — участкового, которого оккупационные власти назначили главным специалистом отдела безопасности Новокаховской военно-гражданской администрации.

Наталья Кожемяцкая. Фото: Медиазона

Карый остался невредим: перед тем, как сесть в свою[2] «Шкоду Октавию», он осмотрел автомобиль, заметил прикрепленный к днищу «похожий на коробку от телефона» предмет и вызвал саперов. При разминировании устройство сдетонировало — взрывотехник ФСБ Михаил Свердликов [3]получил тяжелые травмы, из-за которых в тот же день умер. Машина сгорела.

10 мая 2024 года межрайонный отдел управления СК по Новой Каховке возбудил дело о покушении на убийство[4] и посягательстве на жизнь силовика-[5]. Спустя 10 месяцев дело переквалифицировали на более тяжкую статью о содействии терроризму[6].

Наталья Кожемяцкая стала одной из четырех обвиняемых.

Наталья Кожемяцкая с мамой. Фото: Медиазона

Одновременно с ней оперативники ФСБ задержали ее приятеля, 27-летнего продавца из магазина электроники Константина Семенюка, и соседа по дому, 31-летнего рабочего Павла Пелешука. На следующий день, 18 мая, список фигурантов пополнила гражданская жена Пелешука — 25-летняя фармацевт Анастасия Бернацкая.

Правда, в материалах уголовного дела указаны совсем другие даты их задержания. По данным следствия, Кожемяцкую задержали 5 ноября 2024 года, а ее подельников — 25 ноября. Только 4 декабря 2024 года Генический районный суд отправил под стражу Кожемяцкую, а 24 декабря — Бернацкую, Пелешука и Семенюка.

Все обвиняемые, считает следствие, были «приверженцами проукраинских взглядов» и помогали готовить убийство Карого, чтобы «разжечь недоверие» к оккупационной власти, выставить ее беспомощной и тем самым склонить Россию к прекращению войны.

Кто есть кто в деле о взрыве в Новой К аховке (версия следствия)

Анастасия Бернацкая

Согласно обвинению, Бернацкая «в неустановленную следствием дату» в июле-августе 2022 года начала переписываться в телеграме с обладателем ника «Рой», который, как считает следствие, был связан с ГУР Украины.

В марте 2024 года они с Пелешуком рассказали об этом своей соседке по дому и подруге Наталье Кожемяцкой, предложив ей тоже связаться с «Роем».

В «неустановленную дату» в апреле 2024 года «Рой» попросил Бернацкую собрать информацию о Максиме Каром, чтобы подготовить его убийство. С разрешения «Роя» Бернацкая перепоручила это Кожемяцкой, которая была шапочно знакома с коллаборационистом. Карый говорил, что иногда покупал у нее сигареты.

Следствие утверждает, что в телефоне Бернацкой нашли скриншот переписки с «Роем»: «Гура Виталий Владимирович, Карый Максим Леонидович, Агаев Руслан Аскерович, Белоус Игорь Васильевич. Эти в первую очередь. А также Кузнецов, Козлов, Пашкевич и т .д. То есть топы и средние, мелкие не интересны. Пути следования, машины, работа, отдых, дом... Фэсы[7], скопления, важные... Все нужно о этих мразях... Где обитают, живут, ставят авто и т.д.».

В ответ Бернацкая обещала «передать информацию Наташе», предупредив, что подруга сначала напишет «Рою» с ее аккаунта, потому что ее собственный телеграм «уже пытались взломать».

Наталья Кожемяцкая

Как утверждают силовики, в марте 2024 года, узнав от Бернацкой о «Рое», Кожемяцкая согласилась «добровольно, инициативно и умышленно оказывать пособническую помощь».

С 1 апреля по 9 мая 2024 года она «по собственной инициативе» рассказала о задании «Роя» своему приятелю Константину Семенюку и попросила его сообщать все, что он узнает о Каром. Эту информацию Кожемяцкая оперативно передавала «Рою».

Тогда же Кожемяцкая по просьбе «Роя» сходила в здание Новокаховской военно-гражданской администрации, чтобы выяснить, где находится кабинет Карого и когда чиновники собираются на совещания, но ничего так и не узнала.

После взрыва Кожемяцкая сообщила «Рою», что Карый остался жив, а 11 мая по его указанию сфотографировала обгоревшую машину и отправила ему снимки. В тот же день один из них появился в украинском телеграм-канале **Регіон 22**.

Константин Семенюк

Семенюк, по версии следствия, передавал Кожемяцкой «всю известную ему информацию» о Каром — адреса, номер машины и обычное место парковки.

Павел Пелешук

Пелешук, гласит обвинение, начал общаться с «Роем» чуть позже Бернацкой — в июне-июле 2023 года. С 1 по 9 мая 2024 года он передал «Рою» адрес дома, возле которого Карый часто оставлял машину. Именно там 10 мая 2024 года «неустановленное следствием лицо» заложило под днище «неустановленное взрывное устройство» весом «не меньше 0,096 кг».

В телефонах Пелешука и Бернацкой силовики нашли контакты не только «Роя», но и Юрия Махотина — администратора многих проукраинских каналов, в том числе, **Регіона 22**, где появилось фото сгоревшей машины.

«Рой»

По данным российских силовиков, обладатель ника «Рой» был одним из администраторов канала **PRO--Таврійськ**, однако кому принадлежит этот аккаунт, следствие не выяснило. Потерпевший Максим Карый на одном из допросов предположил, что это мог быть житель Таврийска Рахман Гусейнов.

В материалах дела указан **ID** телеграм-аккаунта «Роя». В утечках из баз данных этот **ID** действительно связан с украинским телефонным номером человека по имени Рахман Гусейнов.

В телефонных книгах других абонентов он записан по-разному: «Закупка Херсон», **Lom-**, **Pro**-таврийск, «Админ Группи», «Металл Таврийск», «Грузоперевозки», «Рахман Гусейнов Снос Металлолом» и «Базарчик Рахман».

«Медиазона» позвонила Гусейнову. Он рассказал, что до российского вторжения действительно жил в Новой Каховке и торговал металлом, но через полгода после начала полномасштабной войны уехал с оккупированных территорий.

«У меня аккаунт уже четыре года как взломанный, — сказал Гусейнов. — Гугл-аккаунт, там же все привязано было — и телеграм, и вотсап».

По словам Гусейнова, «еще в Украине» он как подписчик «присутствовал» в канале **PRO--Таврійськ**, но никогда не был его админом.

Он заверил, что не знает ни обвиняемых, ни потерпевшего по делу о покушении на Максима Карого.

«Зачем оно мне... У меня там [в Новой Каховке] никого и ничего не осталось. Я на заводе работаю», — заверил он.

Связь с ГУР Украины Гусейнов также отрицает.

> «С разведкой? Ничего себе! Вот это медалей мне навешали!» — засмеялся он, услышав вопрос «Медиазоны».

«Половой акт без моего согласия». Рассказ Натальи Кожемяцкой

Процесс по делу четверых новокаховчан шел в Южном окружном военном суде с апреля 2025 года. Председательствовал Денис Вовченко — «справедливый, лаконичный и ответственный судья приятной наружности», как говорится в единственном отзыве под его анкетой на сайте «Судьи России».

Заседания Вовченко ведет в жесткой манере: торопит участников процесса, может прикрикнуть на подсудимых и адвокатов.

Выступая в суде[8], Наталья Кожемяцкая признала, что в марте 2024 года Бернацкая познакомила ее с «Роем». Кожемяцкая не знала, кто это, но «можно было догадаться, что он работает на спецслужбы Украины».

Бернацкая говорила, что «Рой» «надежный человек и может помочь» Кожемяцкой: сделать так, чтобы ее 21-летний[9] сын не попал на передовую — он с 2021 года служит в ВСУ.

Анастасия Бернацкая. Фото: Медиазона

Сначала у Кожемяцкой не получилось связаться с «Роем». Тогда он написал ей сам. Женщина отправила ему данные и фото своего сына, «Рой» пообещал помочь. Взамен он попросил узнать номер и марку машины и точный адрес Карого. Зачем, Кожемяцкая не знала, но, по ее словам, «можно было догадаться, что хотят ликвидировать».

О том, на какой машине ездит Карый, «знали все в Новой Каховке», но Кожемяцкая на всякий случай решила уточнить это у своего знакомого Семенюка, не говоря ему о «Рое».

Тогда же, весной 2024 года, Бернацкая переслала Кожемяцкой сообщение «Роя», который просил, «если будет возможность», узнать, в каком кабинете здания военно-гражданской администрации сидят Карый и несколько его коллег. Кожемяцкая пошла туда — якобы уточнить, какие документы нужно собрать, чтобы оформить аренду табачного ларька. Узнать то, о чем просил «Рой», она не смогла — чиновники отправили просительницу в другой кабинет, поэтому Кожемяцкая «ничего ему не писала».

После этого «Рой» отправил ей еще один адрес и попросил проверить, паркует ли там Карый машину.

3 мая 2024 года Кожемяцкая снова пошла в магазин, где работал Семенюк.

— Мы с ним поговорили, была такая информация, что, возможно, он туда ходит к девушке. И я ответила, что, возможно, он там появляется, — сказала она в суде.

Семенюк не спрашивал, зачем Кожемяцкая интересуется Карым, но, как она думает, «догадывался».

На взрыв 10 мая 2024 года Кожемяцкая внимания не обратила — «у нас каждый день взрывы». Только на следующий день, отправившись рано утром на работу, она увидела сгоревшую машину, припаркованную по тому самому адресу, который она недавно «проверяла». Тогда же «Рой» попросил ее сфотографировать последствия взрыва. Кожемяцкая это сделала. Она не возражала, чтобы фото опубликовали «в канале в телеграме».

Вину Кожемяцкая признала частично, уточнив, что «не хотела, чтобы погибали люди», и «очень сожалеет» о смерти взрывотехника Свердликова. Судье это не понравилось — он сказал, что «для себя внутри понял, что человек признается полностью».

— Вы на тот момент были приверженцем проукраинских взглядов, против СВО? Ну а зачем вы тогда собирали [информацию] на сотрудников, военнослужащих? — напирал Вовченко.

— Из-за своего сына, — отвечала Кожемяцкая. — Я же не подкладывала [бомбу]. Я собирала информацию. Я сказала, какой номер, на какой машине ездит. Я же не хотела, чтобы погиб человек.

При ответе на вопрос, понимала ли Кожемяцкая, что помогает организовать убийство Карого, судья суровым голосом попросил ее не забывать, что «правда всегда одна». После долгой паузы Кожемяцкая ответила: «Да».

Когда адвокат спросил, оказывали ли на нее «психологическое давление или физическое воздействие», Вовченко стал возражать:

— Просто вопрос в чем. Мы знаем, что вас допрашивали на стадии предварительного расследования. Там как бы вы свою виновность признавали и в целом рассказывали о тех же обстоятельствах, что рассказываете сейчас. Просто <-ÿ.ÿ если человек полностью вину свою не признает и говорит, что все те допросы, которые на стадии следствия, они все выбиты были...

В итоге суд все же прислушался к адвокату, который настаивал, что в показаниях на следствии «есть моменты», которые Кожемяцкая теперь «категорически не подтверждает».

— Меня били током, били по голове и совершили половой акт без моего согласия, — медленно и с трудом подбирая слова, сказала Кожемяцкая на заседании 10 июня.

О том, что ее изнасиловали, Наталья успела шепнуть матери еще на первом за шесть с половиной месяцев плена свидании: в ноябре 2024 года сотрудники ФСБ разрешили им короткую встречу в отделении полиции в поселке Новотроицкое Херсонской области.

— Им дали всего несколько минут, — говорит Татьяна, сестра Натальи. — Она так обняла маму на прощание и шепнула: «Мамочка, меня очень сильно изнасиловали». Мама мне потом сказала: «Таня, она вся черная». Видно было, что Наташе очень тяжело там.

Увидеться с матерью дали только после того, как она подписала признательные показания, рассказала в суде Кожемяцкая.

Многие из этих первых показаний она потом отрицала: то, что обсуждала «задания» с Пелешуком, что Семенюк знал о «Рое», а «Рой» предлагал за сбор информации 100 тысяч гривен[10].

— Я правда боялась очень за свою маму, за своего отца, за своего мужа. Потому что где-то 5 декабря[11], после первого моего суда[12], ко мне приходил сотрудник ФСБ, и они мне угрожали. Это было Новотроицкое, — объяснила она расхождения в показаниях.

Следователь Шабанов ей не угрожал — просто дал на подпись уже готовые показания, вспоминала Кожемяцкая в суде. На судью Вовченко это не произвело особого впечатления.

— Я думаю, надо ли назначать проверку в отношении тех лиц процессуальную, если вы дали показания, изобличающие вас, в судебном заседании в итоге? — неохотно спросил он. — Какие показания с вас выбили? Правдивые, получается?

Кожемяцкая ответила, что правдивые показания в деле есть, но «не все».

— Если бы вы сказали: «Послушайте, меня и близко там не было. Я вообще была в другом месте, меня взяли за шкирку, я не знаю ни Бернацкую, ни Семенюка, никого не знаю...» А потом появляется протокол, в котором вы признаете себя виновной, ну, вот это вот как бы да. Но вы рассказали в заседании, на вас же давление никто не оказывал, — развивал свою мысль судья. — Надо проводить проверку, нет? Ну просто кого мы будем искать? У нас нет лица, в отношении которого что-то проводить надо.

В итоге Кожемяцкая согласилась, что оснований для проверки нет.

— Вы обращались в органы о применении к вам насилия и других преступлений? — уточнил судья.

— Мне сказали не обращаться. Я почти семь месяцев просидела в подвале — с 17 мая по 25 ноября 2024 года, — тихо ответила Кожемяцкая.

На следующем заседании должны были допросить Пелешука.

— Надеюсь, что в отношении вас никаких действий не предпринималось? — заранее уточнил судья.

— Действия предпринимались, физическое насилие, но заявлять о служебной проверке я не буду. Просто я тоже не знаю, кто это был, — ответил Пелешук.

— Ну, вы же правду говорили. Что я, не понимаю, что вы там[13] находились? Вопрос в том, насколько эти показания даны неправдиво. Вот, как видите, ваша соседка Наталья Васильевна говорит, что применялись пытки какие-то там серьезные... Ну, в целом, она же дала признательные показания. Остальное — нюансы, — закончил заседание судья.

Кто такой Максим Карый

1 сентября 2026 года сторона защиты хотела огласить в суде запрошенную в Херсонской ВГА характеристику на потерпевшего Максима Карого.

— Какое это отношение имеет к делу? Это неотносимое доказательство! — возмутился судья Денис Вовченко.

— Характеристика Карого — это данные о личности потерпевшего, — попытался возразить один из адвокатов. Он напомнил, что существует порядок исследования доказательств, и теперь наступила очередь защиты.

— Здесь я определяю, где начало, а где конец! — прикрикнул Вовченко.

Тогда адвокат напомнил, что на допросе Карый называл себя собственником взорванной «Шкоды», однако защиты выяснила: машина не принадлежала

ни ему, ни ВГА — это была «бесхозная техника», брошенная бежавшими от войны жителями Новой Каховки.

— Вы сюда приехали, чтобы поспорить, поругаться или показать, как вы хорошо знаете юридическую защиту? — только распалялся Вовченко. — По сути, ваш подсудимый вину признал в совершении преступления. Вы кому что-то пытаетесь доказать, показать?

— Уважаемый суд, мне впервые в моей адвокатской деятельности запрещают реализовывать право защиты и исследовать те или иные письменные доказательства, — растерянно констатировал адвокат.

Характеристику на Карого в тот день все же зачитали. Со слов председателя аттестационной комиссии ВГА, Карый, «несмотря на некоторые положительные качества характера, охарактеризовал себя неорганизованным и недисциплинированным сотрудником, не стремящимся повысить свой профессиональный уровень». Он «неоднократно вступал в конфликты с коллегами, критику в свой адрес воспринимает несдержанно».

Аттестацию в ВГА Карый так и не прошел.

Как Павел Пелешук потерял передние зубы

Павел Пелешук, говорит его сестра Юлия, к началу полномасштабной войны работал на заводе стройматериалов. Его девушка Анастасия Бернацкая была фармацевтом в аптеке, в письмах на волю она пишет, что в 2023 года окончила интернатуру

Запорожского государственного медицинского университета.

Уезжать из родного города из-за оккупации молодая пара не планировала. «Я их уговаривала, они в какой-то момент даже согласились, а потом передумали. Не знаю, может, побоялись выезжать, потому что это все-таки бросить все, что у тебя есть, и уехать в неизвестность без ничего», — размышляет Юлия.

Павел Пелешук. Фото: Медиазона

В 2023 году, как вспоминал в суде сам Пелешук, он подписался на телеграм-канал *PRO-Таврійськ* — «чтобы смотреть новости, информацию о подработках, что происходит в городе». Одним из администраторов канала был человек с ником «Рой», ему Пелешук иногда «задавал вопросы по поводу подработки».

Однажды в канале появился пост с просьбой выяснить, где паркуется «Шкода Октавиа» с указанными номерами — Пелешук, по его словам, видел эту машину в городе, поэтому откликнулся на объявление.

Задержали молодого человека 17 мая 2024 года, когда он курил на балконе. В дверь квартиры, где они жили с Бернацкой, начали стучать, Анастасия открыла.

— И что дальше? Какое-то общение с вами происходило? — спросил Пелешука в суде прокурор.

— Вышли в подъезд. В подъезде ударили в лицо. Я потерял сознание, — ответил он.

Потом силовики два или три дня избивали его в неизвестном месте, «задавали вопросы» и пытали током.

— Я начал выдумывать, чтобы это все прекратилось, — продолжал Пелешук. — Чтобы меня перестали бить током и резиновой палкой. Потом перевезли в другое место, там снова пытали. Спрашивали про взрывчатку.

В суде Пелешук настаивал, что он не знал «Роя», как и того, что в Новой Каховке кто-то планировал взорвать машину Карого. «Следователь обсуждал со мной, что мне говорить», — объяснил он свои первоначальные показания.

Юлия узнала о задержании брата и его девушки только в конце мая. Полгода никакой связи с ними не было — только в ноябре, когда возбудили уголовное дело, стало ясно, что молодую пару держат в СИЗО в Чонгаре. Родственники начали возить туда передачи и писать письма. До этого Пелешука и Бернацкую «перемещали по разным изоляторам в Херсонской области».

Юлия рассказывает, что до задержания у Павла «все зубы были на месте» — а теперь «нет двух передних». По ее словам, в СИЗО в Ростове-на-Дону

ему «вырывали и жевательные зубы»: «Может, лечить не хотели, а может, нечего было лечить».

В суде Пелешук говорил очень тихо и неразборчиво. Судью Вовченко это бесило, он просил, чтобы адвокат вел допрос подзащитного в формате вопрос-ответ. Адвокат возражал.

— Ну тогда пускай он внятно рассказывает! — вскипел Вовченко и передразнил Пелешука. — Вы-вы-вы-бы-бы-бы...

Максимально простая жизнь Константина Семенюка

Константин Семенюк в суде признал, что назвал Кожемяцкой номер и модель машины Карого, но уточнил, что «с целью совершения теракта» эти данные использовали уже «без его ведома».

По словам Семенюка, в марте 2024 года он зашел в ларек за сигаретами, и знакомая продавщица — это была Кожемяцкая — рассказала, что с ней связался военный, который готов «помочь решить вопрос с ее сыном» и сделать так, чтобы парень служил «подальше от ЛБС[14]». Как это можно устроить,

Семенюк «не понял», но обрадовался за женщину.

Константин Семенюк. Фото: Медиазона

Несколько дней спустя Кожемяцкая попросила его узнать, где живет и на какой машине ездит Максим Карый.

Бывший полицейский часто появлялся в новостях, поэтому Семенюк знал его в лицо; он видел, как Карый «передвигается на машине» по городу, и сталкивался с ним у собственного подъезда, когда тот «интересовался по поводу жильцов».

Семенюк назвал Кожемяцкой адрес дома, где он видел Карого, номера и марку его машины. Когда прокурор уточнила, откуда Семенюк знает госномер, он сослался на свою «хорошую память» и легко повторил цифры. По его словам, тогда он верил, что Наталья ищет выход на горадминистрацию, чтобы «решить вопрос с документами» и оформить аренду табачного ларька. Карый лично заходил к нему в магазин электроники, требовал показать бумаги и говорил, что «они сейчас со всех собираются», поэтому Семенюк не удивился просьбе Кожемяцкой, объяснял он — тем более, что у них сложились «дружеские отношения».

3 мая 2024 года Кожемяцкая пришла к Семенюку в магазин и спросила о другом адресе на проспекте Победы. Семенюк сказал, что Карый бывает там у девушки по имени Татьяна, и показал Кожемяцкой ее фотографию. Этот разговор частично зафиксировала камера наблюдения. Фамилия Карого на записи не звучит, зато собеседники подробно обсуждают внешность девушки: ее фигуру, косу, «попочку» и «губочки».

О взрыве Семенюк, по его словам, узнал только на следующий день от знакомого сотрудника ВГА.

Прокурор спросила, как Семенюк в 2022 году относился к «СВО».

— Настрой был, чтобы все это как быстро началось, так и закончилось, потому что это в любом случае неприятно, когда у тебя над головой взрывается, — ответил он.

— Я не являюсь политиком, я не могу сказать... Я не понимаю, что со стороны государства... Я являюсь обычным простым гражданином, который работал. У меня была максимально простая жизнь. Работа, дом, дом, работа. Магазин, рынок, иногда автобус. Я не участвовал в никаких мероприятиях, — горячился Семенюк.

На одном из заседаний он попытался объяснить, почему подсудимые отказываются от части своих показаний на следствии.

— Я разрешал вам говорить? — прервал его судья Вовченко.

— Нет, ваша честь!

— Я не хочу с тобой разговаривать! Не надо со мной вступать в диалог! — отрезал судья.

Судья Денис Вовченко и его теория «выбитой правды»

— 17 мая в 9 утра мне постучали в дверь, я открыл, люди в масках сказали, что я поеду с ними. Забрали несколько телефонов, сумку с документами, ключами закрыли квартиру. Вывели в машину. Посадили. Замотали на голове кофту. Отвезли — как выяснилось потом, где-то недалеко от Таврийска, — рассказывал Семенюк о своем задержании.

По его словам, «люди в масках» не ограничивались каким-то одним методом воздействия — «били, пытали током, водой, по-разному».

Через четыре дня похищенных перевезли в помещение, где Семенюк «был прикован к стене наручниками». Все это время его держали с завязанными глазами «для его же безопасности». Еще два-три дня спустя пленники оказались в базе отдыха «Прибой» в селе Геническая Горка и «пролежали» там до 1 июля. Потом, по словам Семенюка, они попали в «подвал общеобразовательной школы №2-[15]», где оставались до 25 ноября 2024 года — дня официального задержания.

В ноябре фигурантов дела несколько раз возили к следователю, в начале месяца они давали показания в качестве свидетелей, в середине — проходили полиграф. 25 ноября их допросили как подозреваемых.

— Мной были даны показания, которые я уже за полгода запомнил, выучил, что мне надо говорить. 25 ноября нас привезли прямо с подвала этого. Поедем ли мы дальше на подвал, в ИВС или СИЗО, я не знал. Во избежание дальнейшего причинения каких-либо

неприятностей моему организму я дал те показания, которые дал, — говорил в суде Семенюк.

По его словам, за те полгода, что обвиняемых держали «на подвалах», к ним «неоднократно приезжали люди в масках[16] и задавали разные вопросы». Пленники отвечали так, как «им хотелось услышать», потому что в противном случае их «пытали». Следователь вел допрос, «основываясь на тех показаниях, которые были даны» раньше.

В суде огласили показания Семенюка на следствии — он подтвердил их только частично.

— Смотрите, 25-го ноября 2024 года меня впервые привезли к следователю в присутствии адвоката. До этого полгода я провел в неприятных местах, с неприятными людьми в масках. На допросах были применены силовые средства, — объяснял Семенюк. — С учетом того, что меня привезли 25-го числа с подвала, а не с СИЗО и не с ИВС, где я уже понимал, что более-менее такого может не происходить, я не знал, куда я поеду обратно. И если бы я отошел немножко от того, что мы заучили за эти полгода, я не гарантирую свою безопасность и жизнь. Я боялся за свою жизнь. Я боялся за свою безопасность. За безопасность родственников[17].

Тогда судья Вовченко понтересовался, почему и на допросе в качестве обвиняемого 19 декабря 2024 года Семенюк не признал вину полностью.

— Почему после таких якобы примененных пыток — били вас током, или водой что-то вас там пытали — и сразу вы частично признаетесь? Да если бы вас там

пытали, вы бы все преступления на себя бы взяли, — рассуждал судья.

Семенюк ответил, что в тот день адвокат впервые сказал ему, что обвиняемый может не согласиться с квалификацией.

— Почему вы не сообщили ни адвокату, ни следователю, что над вами якобы кто-то измывался, издевался, заставлял учить какие-то показания? — продолжал судья.

— Потому что я переживал за своих родных. Если я откажусь и скажу, что какие-то люди в масках надо мной издевались, били, заставляли учить показания, я не знаю, как это повлияет...

— Просто из ваших показаний просматривается то, что сотрудникам не могло быть известно. А могло быть известно только из ваших показаний.

— Мне говорят, ты передавал информацию? Я говорю, нет, я с «Роем» не общался. Меня начинают бить. Мне говорят, ты знал, что Кожемяцкая общается с «Роем»? Меня начинают бить до тех пор, пока я не скажу, да, я знал! — не сдавался Семенюк.

— Ну, значит, правду выбивали? — вполне искренне переспросил Вовченко.

В конце заседания он задался вопросом, нужно ли признать показания подсудимых на следствии недопустимыми доказательствами, если те заявляют о пытках.

— Если они в целом соответствуют вашей позиции, то тогда ни о каких недозволенных методах следствия [речи не идет], — заключил судья.

Бернацкая при этом рассказывала, как на первом же допросе[18] предупредила следователя, что на самом деле ее задержали 18 мая, но это не было упомянуто в протоколе: ей ответили, что «это не важно», а адвокат «поднимать этот вопрос не будет».

— Бернацкая, поддерживаете показания по предъявленному обвинению? Они были даны правдиво? — уточнил судья.

— Они были даны правдиво, но под физическим воздействием.

— Ну, для того, чтобы правду сказали! Понятно!

12 ноября Южный окружной военный суд приговорил Наталью Кожемяцкую к 14 годам, Анастасию Бернацкую к 13 годам и 4 месяцам, Павла Пелешука к 13 годам и Константина Семенюка — к 14 годам колонии.

Перед самым приговором в суде допросили адвоката Анну Яценко, которая по назначению представляла Бернацкую в ноябре 2024 года. Она сказала, что Анастасия во время их первой встречи «была подавлена, у человека был шок, говорила: я не понимаю, за что, как».

От последнего слова подсудимые отказались, только Бернацкая кратко сказала, что всегда была и намерена оставаться гражданкой своей страны. Кожемяцкая

тихо заплакала, когда адвокат в прениях упомянул ее сына и покойную мать.

Пелешук, рассказывает его сестра, в СИЗО «читает очень много книг» и борется с «тоской и ностальгией», которые «иногда на него находят». Бернацкая пишет, что в неволе «научилась играть в домино, нарды и немного в шахматы», «переосмыслила многие вещи и поменяла отношение к себе, родным и окружающим».

Адреса для писем:

346408, Ростовская область, г. Новочеркасск, ул. Украинская, д. 1, ФКУ ГУФСИН по Ростовской области СИЗО-3
Бернацкой Анастасии Вадимовне 1999 г.р.
Кожемяцкой Наталье Васильевне 1979 г.р.
344022 г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 219, ФКУ СИЗО-1
Пелешуку Павлу Николаевичу 1993 г.р.
Семенюку Константину Сергеевичу 1997 г.р.

Работает сервис ZT

При участии Елены Дымовой

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. Здесь и далее возраст фигурантов дела указан на момент описываемых событий. Сейчас Комемяцкой 47 лет.

2. Как говорили следователю коллеги Карого, де-юре «Шкода Октавиа» чиновнику не принадлежала, а была «реквизирована». После того, как многие жители Новой Каховки бежали из города, на улицах оставалась «бесхозная техника». Сначала Карый просто присвоил одну

из брошенных машин, но в конце 2022 года формально передал ее на нужды администрации, у которой была «острая потребность в транспорте».

3. Согласно показаниям его жены, Свердликов служил в УФСБ по Карелии. 14 марта 2024 года его на полгода отправили в командировку в должности и.о. взрывотехника оперативно-технического отделения УФСБ по Херсонской области.

4. Часть 3 статьи 30, пункты «б», «е» части 2 статьи 105 УК.

5. Статья 317 УК.

6. Часть 3 статьи 205.1 УК.

7. Сотрудники ФСБ.

8. 10 июня 2026 года.

9. На тот момент.

10. От 150 до 200 тысяч рублей. Летом 2022 года курс гривны резко колебался.

11. 2024 года.

12. Имеется в виду заседание по избранию меры пресечения.

13. В «подвале», то есть секретной тюрьме.

14. Линия боевого соприкосновения.

15. Вероятно, в Новой Каховке.

16. Из их разговоров Семенюк сделал вывод, что это были сотрудники военной комендатуры.

17. Дочери Семенюка сейчас три года.

18. 25 ноября 2024 года.